

НЕДОКАЗУЕ-
МОЕ

— Вы любите маслины?

— Так себе.

— Да или нет?

— Гм... пожалуй, впрочем не очень.

Такого разговора быть не может.

Маслины или очень любят или вовсе не любят (так по крайней мере уверял меня мой гид в Афинах, этой родине маслин—*ελλάιον*, малый наблюдательный и большой гурман).

Об А. Э. Беленсоне можно сказать то-же, что о маслинах:— его или очень любят или вовсе не любят. Беленсон в искусстве это те-же маслины в гастрономии.

— «С гнильцей» писатель, — отзываются об А. Э. некоторые, — что-то «разлагающее» на кончике его пера; неприятен!

Это конечно несерьезный аргумент! — Марк Аврелий, помнится, любил вишни, немного подгнившие, предпочитая их только что сорванным. «Разлагающе»-же начало на кончике пера писателя — это, пожалуй, даже очень уместно для критика-аналитика,

О ВРАЗУМИТЕЛЬ- НОМ В ИЗОБРАЗИ- ТЕЛЬНОМ

«Сапожник делает сапоги, а что делает художник? Он ничего не делает, он творит. Неясно и подозрительно».

Это из статьи «Художник и Коммуна» в номере первом журнала «Изобразительное Искусство». Широким, уверенным мазком автор статьи с поразительной осведомленностью очерчивает отвратительный тип художника, который, так сказать, «не нужен Коммуне». Затем, предсказав скорую гибель «умеющим только творить», утешает ценителей искусства заявлением, что, «есть еще и другие художники»; они спасутся и даже найдут себе в Коммуне «почетное место рядом с сапожниками». Это те именно художники, которые — в полную противоположность первым — умеют писать картины, делать рисунки и проч., смотря по надобности.

Я крайне доволен таким подразделением: художники, творящие, и художники, пишущие картины, — оно вносит в вопрос достаточную серьезность, что всегда желательно в Коммуне.

Но всеобъемлюща ли подобная классификация? Несомненно,

С этой точки зрения «Харчевня Зорь» прихрамывает: смысл имеется во всем, что там напечатано, и очень даже определенный. Правда, непогрязаем Хлебников:

Господи, отелись
В шубе из лис.

Однако же, нашелся человек и это набравший.

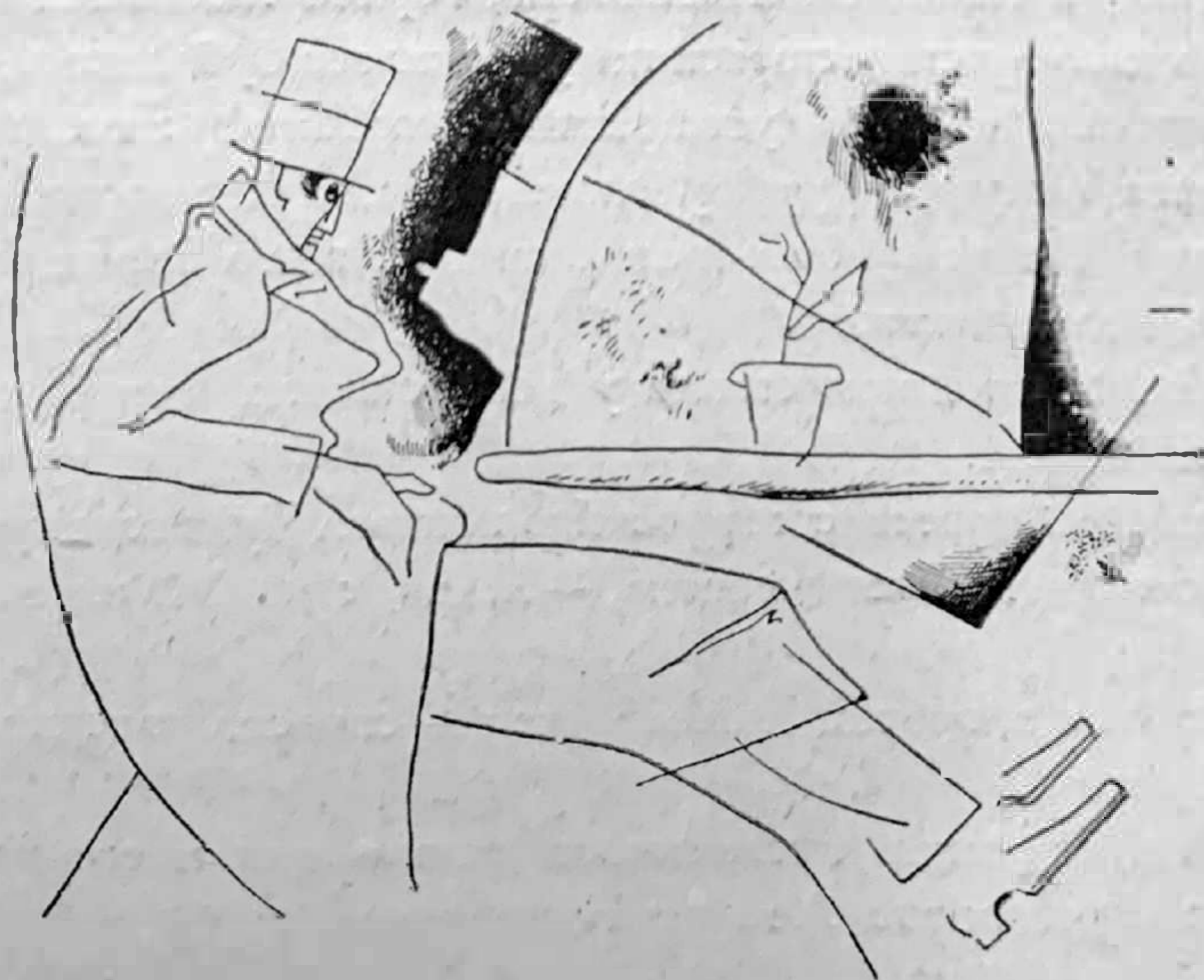
Исцеление придет само собой. Начало его вы легко распознаете по новым в вас явлениям: неожиданно ощутится острый, мучительный стиг, связанный с чувством смертельной тоски и усталости. Впоследствии явления эти исчезнут, сменявшись совсем новыми.

Чуть-чуть в сторону. Мне приходилось не раз наблюдать странного человека. Он маленького роста, плотный, все туловище его резко изогнуто в одну сторону, а непомерно большая голова так же резко изогнута в сторону прямо противоположную.

Во рту у него неизменно гымится трубка и в солнечные дни его можно видеть стоящим на улице в веселой, даже несколько игривой позе,—знаете, этак заложив ногу за ногу...

Заранее спешу согласиться с вами и с кем угодно, что человек этот никакого непосредственного отношения к делу не имеет.

Кончаю,—если вы и «обвиняемый», как это можно заключить из вашего «Последнего слова», то я во всяком случае не судья вам. Я—просто товарищ ваш по «эпохе» и, поверьте мне, Дима,—весьма доброжелательный и безобидный.

кому Театру без рыбы этой: в устах шута рыба нередко — та же соль.

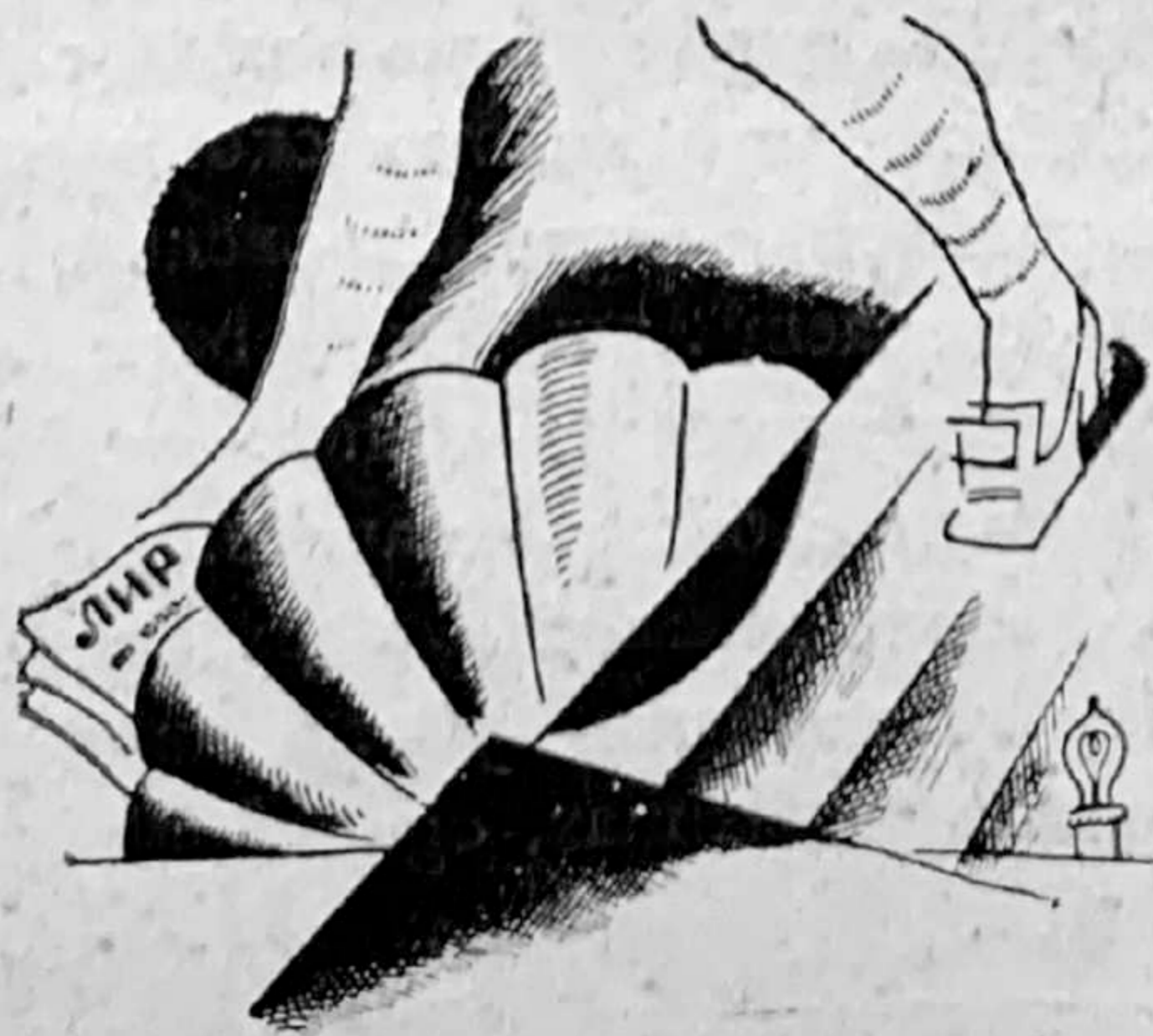
Режиссер вводит шута в самое начало трагедии, но у Шекспира этого нет; шут у него появляется лишь позднее, когда безумная шутка завязана уже Лиром.

— Лир, вот по праву первый шут трагедии и оттого в начале ее — единственный.

Корона дает необъятный простор его замыслу — позабавитъ себя и всех прочих.

Страдания Лира — страдания царственного шута.

И, если кому угодно настаивать на слове «трагедия», то «Король Лир» может быть истолкован как любопытнейшая трагедия шута.

— «Театр и театр—две разные вещи, равно как и восторг самой публики бывает двух родов: иное дело восторг от какой-нибудь балетной танцовщицы, и опять иное дело восторг от того, когда могущественный лицедей потрясающим словом подбьет выше все высокие чувства в человеке».

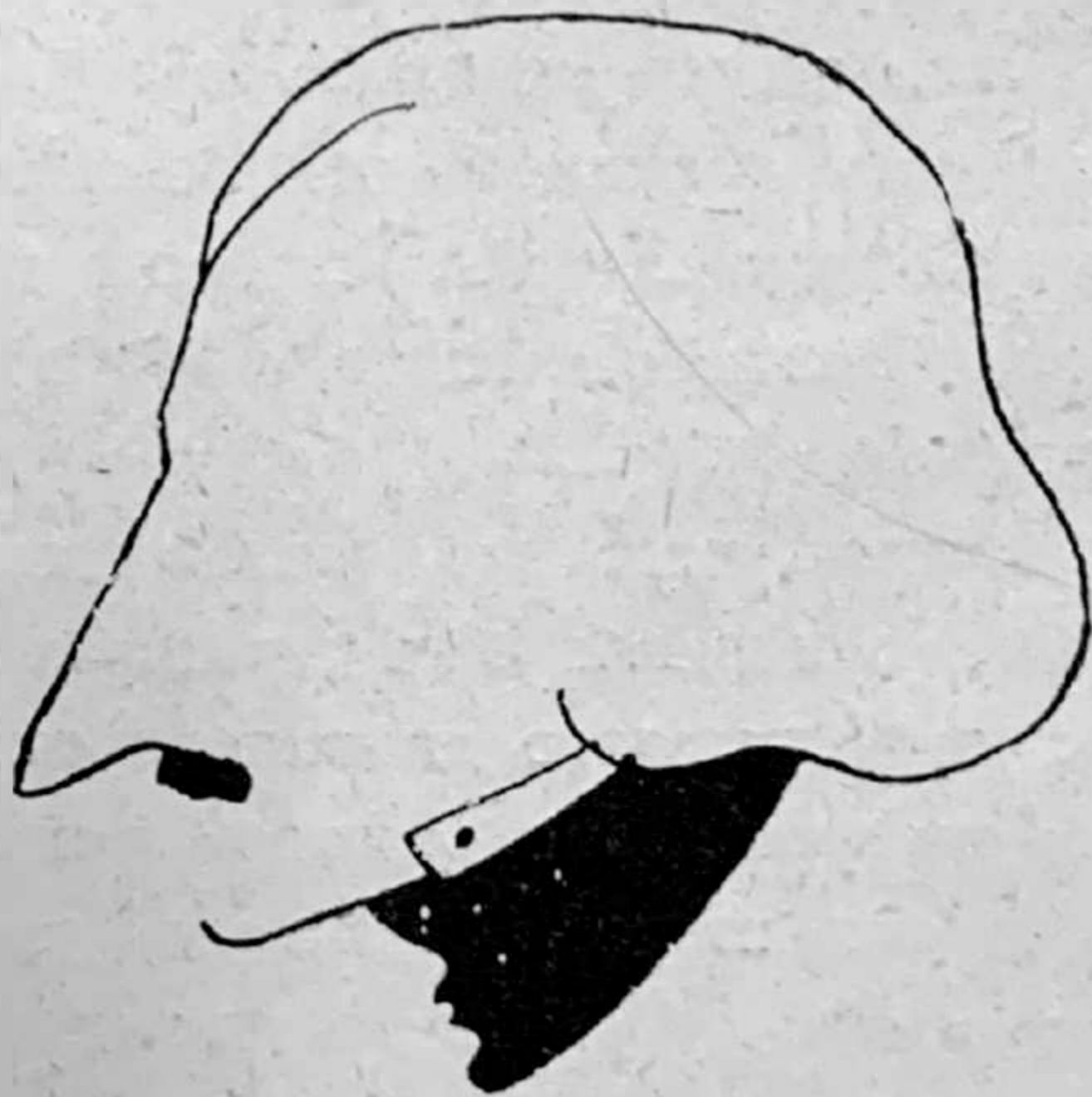
Кто станет отрицать, что, как сембдесят пять лет, истекшие от «Переписки с друзьями», нисколько не состарили ее и не смогли лишить ее для нас истинно живого интереса и смысла, так сами мы в достаточной мере состарились для того, чтоб несколько более чем несложных мыслей, высказанных Гоголем о театре, показались нам и современными, и вполне своевременными?

Действительно, разве, искушенные всяческими «исканиями», не по такому «потрясающему слову» мы стосковались?

Разве не его втайне мечтаем услышать, каждый раз трепетно ожидая, что вот перед нами на месте заурядного представляльщика вдруг встанет «могущественный лицедей»?!

(Окончание когда-нибудь)

P. S. Речь шла о Гоголе. Обо мне же: прошу верить на слово, что односторонностью в понимании искусства я не грешен.

— Мне скажут: уберите из театра комедии остроумие, смешной трюк, забавное положение, и что же останется?!

Знаю, что ничего не останется, а это ведь и печально. Что-то, значит, неладно с нашими нынешними комедиями, которые плодятся, словно шампиньоны, и — неладно в самом главном.

Смешливая публика ходит усердно в «смешные» театры, ища в них смешное.

И уходит каждый раз без «впечатления» и без «настроения».

— Бедная, смешная публика!

лучше данную нам роль сыграть, и в этом оставленная нам свобода.

Но гораздо больше свободы оставлено чековеку: он может принять выпавшую ему роль, но может также, вовсе отбросив ее в сторону, выбрать себе иную.

Точнее, человек-актер не лишен и свободы импровизации или, что то-же, свободы выбора.

Итак, иллюзия или истина?—Да, Параклет несомненно—маг и волшебник в царстве иллюзий, но не больше.

И недаром он без ответа оставляет вопрос уездного Пилата, антрепренера местного театра.—Что такое истина, ответить не может или не желает Параклет, ибо истина его в... неистине.

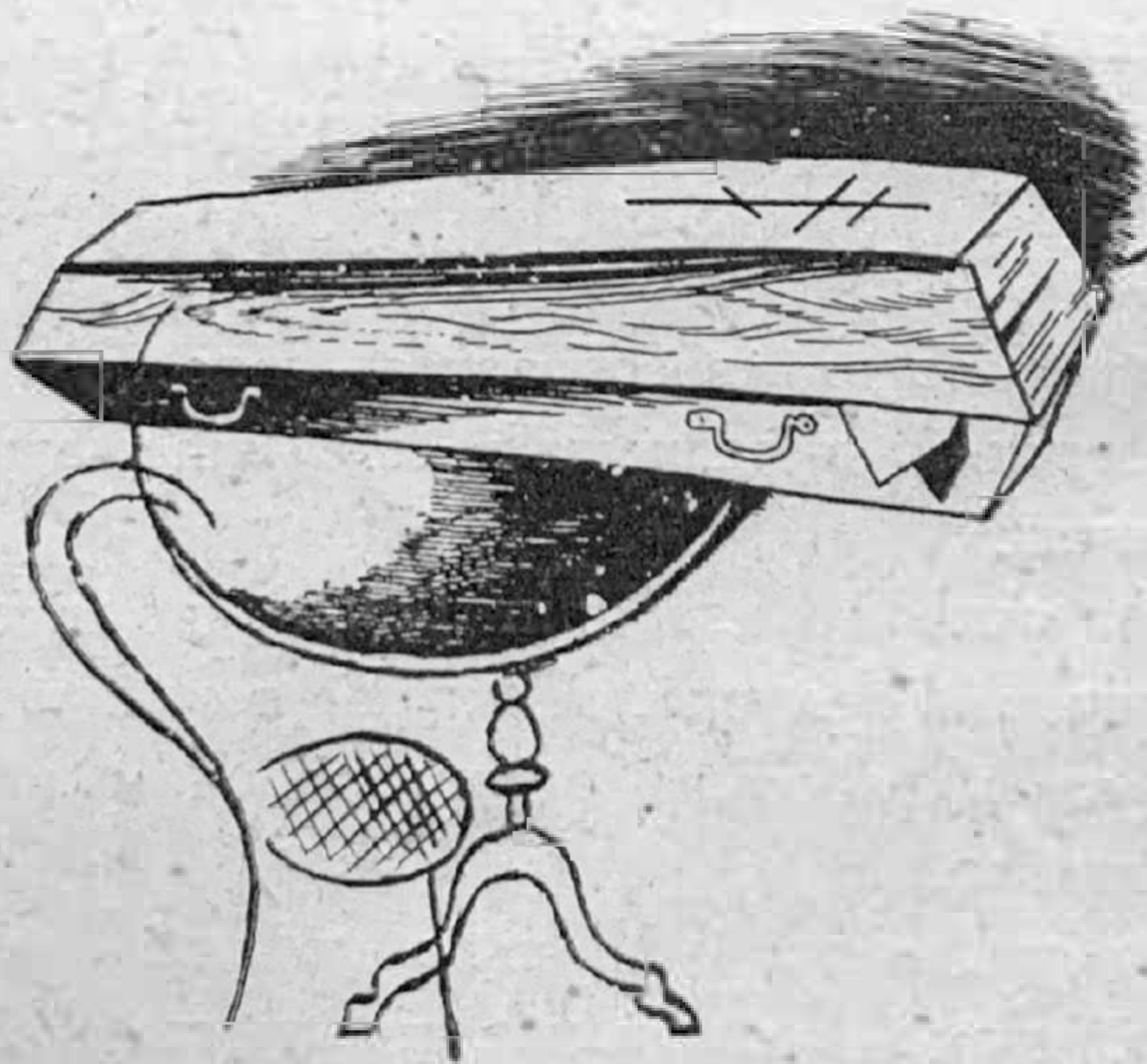
А это—самое главное!

Подобные происшествя на первій взгляд кажутся не имеющими никакого отношения ни к искусству вообще, ни к театральному в особенности, но это лишь на первій взгляд.

Как некоторое количество бочек равняется соответственному количеству гробов, так и некоторые произведения искусства очевидно равняются известному количеству гробов, поддающемуся точному вычислению.

Правда, гробы эти призрачные, но ведь и само искусство наше, если внести за скобку премиальный паек, может оказаться в достаточной мере призрачным.

В искусстве мы упорно эстетствуем, в эстетике умствуем и умничаем, поэтому эстетическое у нас тщательно отсушено от нравственного и перенесено только в область зрения и слуха.

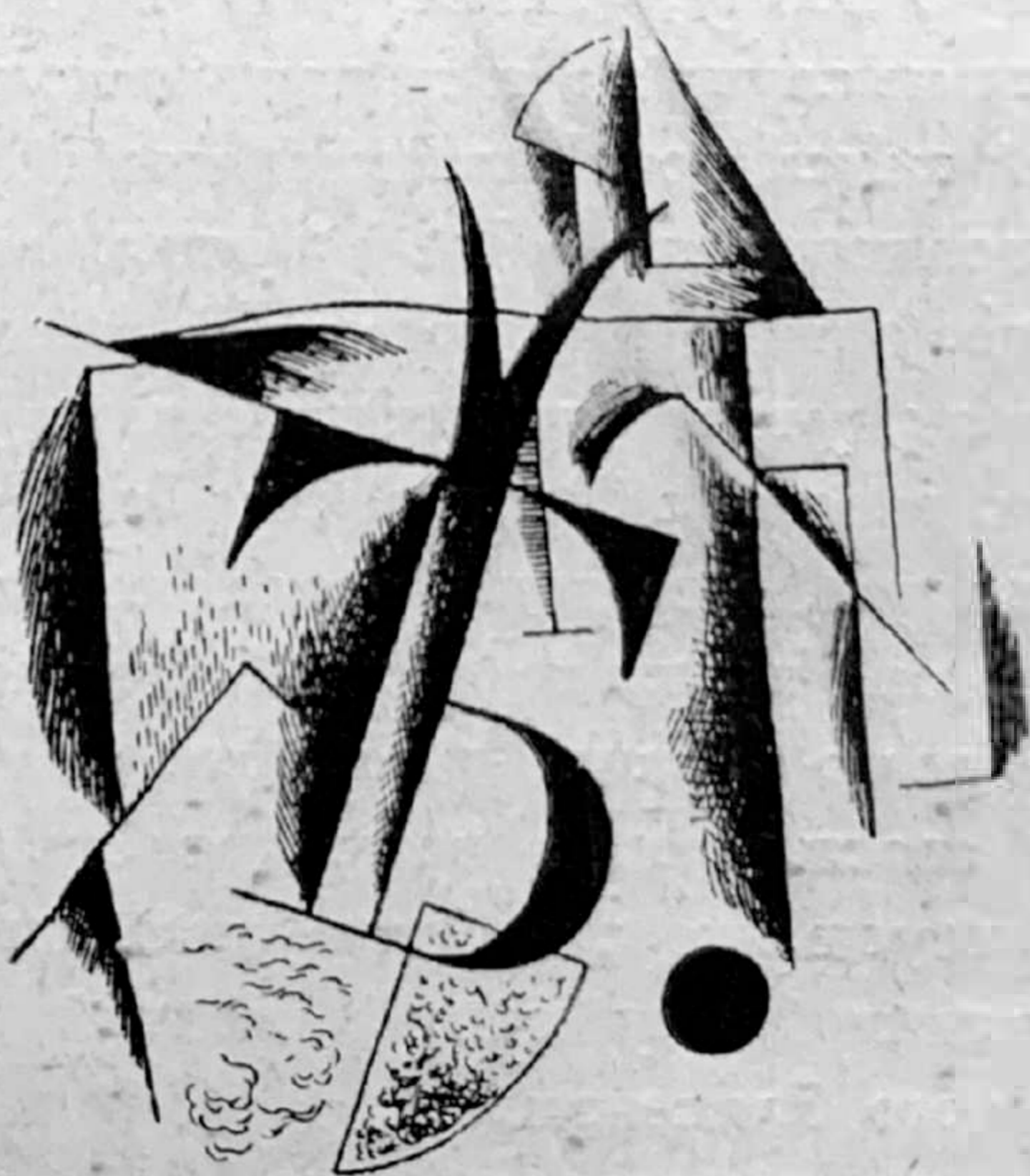
По существу же мы всяческих рассуждений, когда они серьезные и ведут до конца, боимся больше всего на свете.

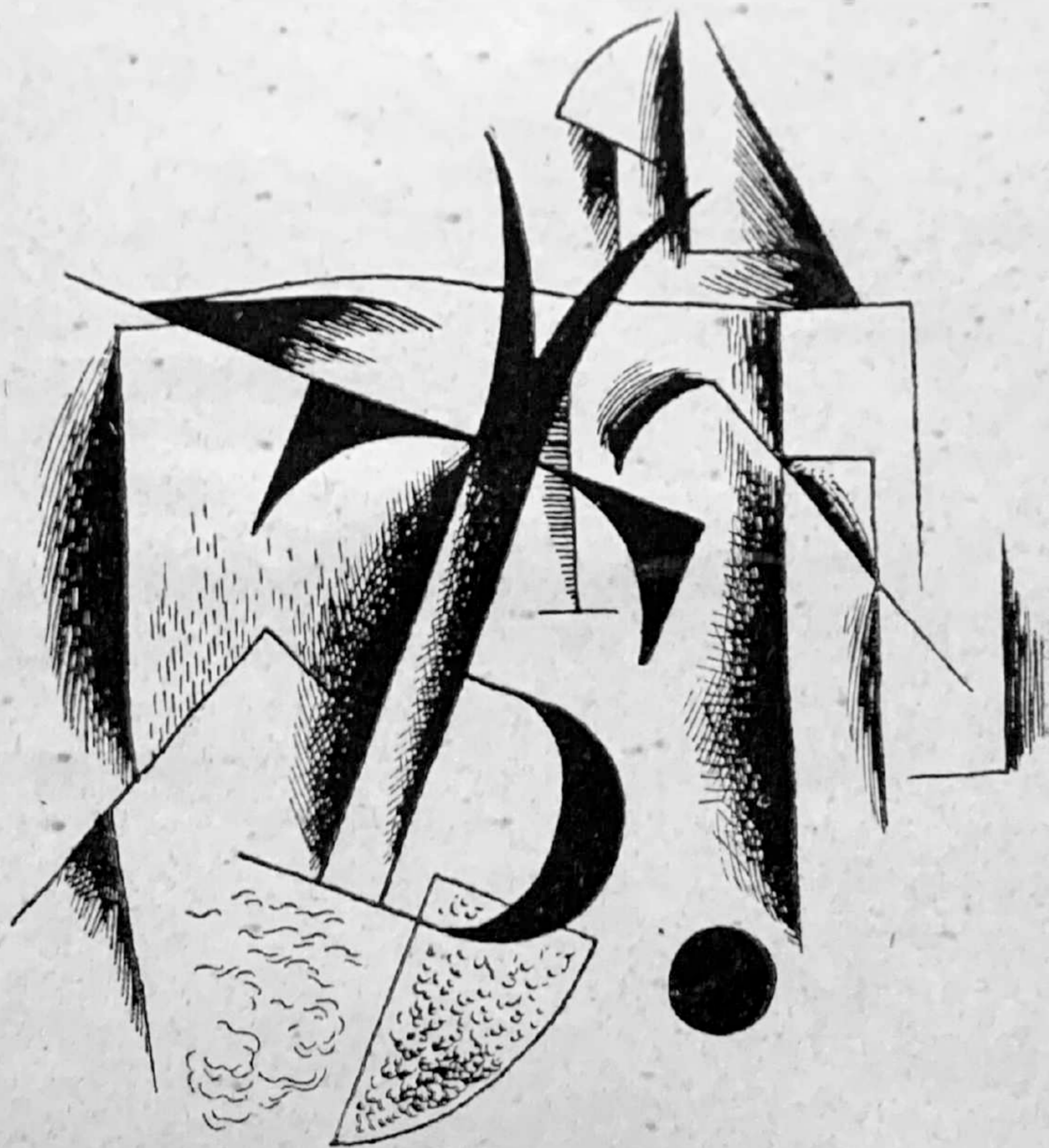
Какие уж тут «проекты»! Где уж тут архитекторствовать! Нам бы в каменщиках еще побыть.

Так вот ведь этого-то и не умеем!

А тут гениальнейший рационалист Федоров, может-быть единственный настоящий философ, еще такое общее дело нам навязывает, как научную «регуляцию» сил природы, «всеобщее воскресение умерших» и население ими всех созданных к услугам человечества планет!..

Но такие вопросы выводят далеко за пределы даже погодозрительных тем.

АЛЕКСАНДР БЕЛЕНСОН

ИСКУССТВЕННАЯ
ЖИЗНЬ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
Н. Н. ЕВРЕННОВА

ОБЛОЖКА И 13 РИСУНКОВ В ТЕКСТЕ РАБОТЫ
ЮРИЯ АННЕНКОВА
МАРКА ДАВИДА БУРЛЮКА

ПЕТЕРБУРГ

1921